

измерения интеллектуальной инициативы. Критерием наличия интеллектуальной инициативы является прекращение следования образцу и самостоятельная оптимизация субъектом способа деятельности в экспериментальной ситуации. Для изучения самоактуализации использовалась опросная методика САМОАЛ Н. Ф. Калины, которая адаптирована к отечественным социокультурным условиям. Объем выборки данного исследования составил 253 человека. Мы сравнили группу студентов, проявивших интеллектуальную инициативу (84 человека), с группой их ровесников, действовавших по образцу. Результаты показывают, что интеллектуально инициативные студенты демонстрируют более высокий уровень принятия ценностей самоактуализирующейся личности ($U=5373$, при $p=0,001$), а также общий уровень самоактуализации ($U=5661,5$ при $p=0,001$). Таким образом, мотивация самоактуализации (особенно это касается бытийных ценностей) способствует проявлению личностью интеллектуальной инициативы. А интеллектуальная инициатива, в свою очередь, в большей мере свойственна самоактуализирующимся студентам. Таким образом, принятие ценностей самоактуализации является одним из важных регуляторов интеллектуальной инициативы личности и оказывает влияние на выбор стратегии преодоления внешних и внутренних границ в познавательной деятельности.

Интеллектуальная инициатива – феномен в большей степени мыслительный, чем мотивационный. Нехватка интеллектуального потенциала препятствует проявлению личностью интеллектуальной инициативы. При достаточно высоком уровне интеллекта отсутствие самоактуализационной тенденции ведет к торможению проявлений интеллектуальной инициативы, еще раз доказывая важность внутренней мотивации.

Н. Т. Ерчак

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ РЕЧИ НА РОДНОМ И ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКАХ

Идея о двух стадиях внутренней речи, о которой говорилось в книге «Психология профессиональной речи учителя», нуждается в уточнении и пересмотре. Решительно отказаться от устоявшегося и общепринятого термина «внутренняя речь» оказалось весьма непросто, хотя уже тогда было понятно, что использование двух терминов – «собственно внутренняя речь» и «мышление» – для называния одного и того же феномена вряд ли целесообразно. К этому подталкивало и предложенное определение понятия «собственно внутренняя речь», под которой понимался знаковый компонент психики, образующий неразрывное динамическое единство с образным и эмоциональным ее компонентами. Вот это целостное образование и представляет собой мысль, в структуре которой содержатся образы, эмоции и знаки в разной пропорции. Называть это образование речью, пусть даже и собственно внутренней только на том основании, что в его структуре содержится знаковый компонент, недостаточно логично. Тем более, что имеется еще вторая фаза внутренней речи – внутреннее говорение, где связи между тремя компонентами психики в целом сохраняются, но доминирует именно знаковый компо-

нент. Размышления о развитии речи на нескольких языках должны, естественно, учитывать вышеуказанную специфику мышления и внутреннего говорения. И если мышление часто протекает без участия какой-либо знаковой системы, то внутреннее говорение, как и внешняя громкая речь, без нее немислимо.

В этом отношении уместно принять во внимание идею Д. Канемана о быстром и медленном мышлении. Развернутое (или медленное) мышление протекает в форме внутреннего говорения и, естественно, на том языке, на котором сформулированы основополагающие понятия. Такое мышление требует заметных умственных усилий, и к нему прибегают лишь тогда, когда быстрое мышление не приводит к желаемому результату. Можно думать, что в структуре мыслей (или мысли) при быстром мышлении доминирует образно-эмоциональная сфера и принимают участие лишь те самые «намекы слов», о которых говорили Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Р. Лурия, А. Н. Соколов и другие исследователи внутренней речи. Весьма вероятно, что в быстром мышлении используются как бы «готовые мысли», те, что содержатся в нашей рабочей памяти и сразу приходят на ум. При этом, естественно, игнорируются другие данные, которые можно было бы использовать в мышлении, если обратиться к долговременной памяти. Что касается медленного мышления, оно должно быть ориентировано и на учет материалов долговременной памяти.

При пользовании иностранными языками различие быстрого и медленного мышления может найти проявление в сферальности пользования лексикой. Тот речевой материал, который часто используется, хранится в рабочей памяти, тогда как в долговременной памяти содержатся и те лексические единицы, которые были запечатлены структурами памяти при чтении художественной или специальной литературы, но редко используются в учебной деятельности или повседневном общении. Они, как правило, узнаются, но воспроизводятся либо с запозданием, либо не припоминаются вообще. Наличие нескольких знаковых систем при общей образно-эмоциональной сфере, видимо, способствует интенсификации связей внутри каждой языковой (знаковой) системы. Вот эти связи внутри каждой из знаковых систем билингва или полиглота имеют весьма индивидуальную специфику. Если, скажем, налицо свободное владение двумя иностранными языками и, естественно, родным языком, то в последнем случае очевидны первоочередные прочные связи лексических единиц с соответствующими образами и эмоциями. А вот по отношению к лексике и грамматике иностранных языков образно-эмоциональная сфера демонстрирует полное неприятие, и им приходится обретать соответствующие значения через установление связей со знаковой системой родного языка. По мере роста уровня владения иностранными языками опосредующая роль родной языковой системы нивелируется и создается впечатление, что каждая из этих иноязычных систем обрела собственные связи с образно-эмоциональной сферой и относительную независимость от других языковых систем. Тем не менее, материалы самонаблюдений пациентов одной клиники, которые владели несколькими иностранными языками, свидетельствуют о том, что непознанного в этой

области еще довольно много. Так, один из них, согласно его утверждению, во время пользования иностранным (испанским) языком, чувствовал себя, как он выразился, «нормальным», но когда переходил на родной (английский), то буквально «сходил с ума». Еще одна пациентка слышала голоса только на родном итальянском и не слышала их на других языках. Можно предположить, что дополнительные усилия, часто имеющие место при использовании вторым-третьим языками, отвлекают человека от чрезмерного погружения в реальность. Заслуживают также внимания высказывания некоторых полиглотов о временных затратах, необходимых им для того, чтобы освежить в памяти те или иные языки накануне активного пользования ими. Непонятно, что при этом приходит в более активное состояние, какие индивидуальные особенности полиглотов более восприимчивы к подобной форме стимуляции.

О. В. Иванов

ВЛИЯНИЕ КОМПРЕССИИ РЕЧЕВОГО СООБЩЕНИЯ НА УСПЕШНОСТЬ ЕГО ПОНИМАНИЯ В СРЕДНЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Многие школьные учителя не уделяют достаточного внимания тому, насколько предъявляемые ими учебные материалы являются доступными, насколько они соответствуют возрастным особенностям учащихся. Данная проблема актуальна как при объяснении новых тем на родном языке, так и при восприятии учащимися иноязычных текстов, поскольку в последнем случае, из-за наличия незнакомой лексики и грамматических явлений, адекватное понимание может быть полностью заблокированным.

На наш взгляд, целесообразно обратить более пристальное внимание на особенности самих речевых сообщений, попытаться определить, как именно те или иные языковые характеристики текста влияют на успешность его понимания школьниками разного возраста, обладающих разным уровнем языковой подготовки.

По данным разных исследователей, в частности, И. А. Зимней, в речевом сообщении может содержаться около 70 % избыточной информации. Однако вопрос того, какую роль последняя играет в восприятии связной речи еще не до конца изучен.

В проведенном нами исследовании изучалось влияние компрессии речевых сообщений на успешность их понимания учащимися 5 и 7 классов, а также зависимость понимания от языка сообщения (русский/английский). Испытуемым предъявлялось два текста, один из которых являлся компрессированным (за счет исключения части избыточных единиц), а другой некомпрессированным. Оба текста содержали одинаковое количество ключевых смысловых единиц, однако второй из них был компрессирован таким образом, что 30 % избыточной информации было из него исключено. Первый же не подвергался таким изменениям и, соответственно, содержал большее количество избыточных лексических единиц.